

Хелена Хазцкая

БЕРТРАН ИЗ ЛАНГЕДОКА

Елена Владимировна Хаецкая

Мракобес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156484

Аннотация

Альтернативная история, знакомо-незнакомые события, причудливо искаженные фантазией... Мир, где любое народное поверье становится реальностью... Здесь, по раскисшим дорогам средневековой Германии – почти не «альтернативной», – бродят ландскнехты и комедианты, монахи и ведьмы, святые и грешники, живые и мертвые. Все они пытаются идти своим путем, и все в конце концов оказываются на одной и той же дороге. Роман построен как средневековая мистерия, разворачивающаяся в почти реальных исторических и географических декорациях. Главный герой – монах, которого вольнодумный студент Бальтазар Фихтеле прозвал Мракобесом. Найдет ли он свой путь, встретит ли Того, к Кому шел всю жизнь?

Содержание

Часть первая	4
Мертвецы Айзенбаха	4
Шальк	11
Хильдегунда	14
Бальтазар Фихтеле	20
Алтарь Дьерека	24
Лотар Страсбургский	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Хаецкая

Мракобес

*Знает Господь,
Куда облаку плыть.
Облако – просто плывет.*
Пирс Энтони. Макроскоп

Часть первая

Свора пропащих

Мертвецы Айзенбаха

Железный Ручей, Айзенбах – так назывался городок, десяток красных черепичных крыш, четыре десятка деревянных строений под ненадежной защитой низкой стены и неглубокого рва, прилепившееся к склону виноградной горы человеческое обиталище. Густая зелень виноградников поднималась все выше и выше, к самому небу, сочащемуся первым осенним дождем.

Сейчас от городка остались тлеющие руины. Белый дымок будет подниматься над разрушенными домами еще несколько дней – долго выходит жизнь из старых городков, подобных этому.

Иеронимус миновал чудом уцелевшие городские ворота (штурмовали, видно, с другой стороны). Пробираясь через завалы, прошел по тому, что еще недавно было главной улицей городка. На месте городской ратуши нашел большую кучу мусора, нелепо увенчанную разбитыми часами.

И все это время чутко прислушивался к развалинам, зная, что всякая резня оставляет после себя живых. Но здесь, похоже, уцелевших не было. А может, успели уйти.

Брать воду из здешнего колодца не решился – кто знает, не набросали ли туда трупов. Он рассчитывал передохнуть здесь, выпросить дорогу до монастыря, расположенного неподалеку отсюда, в пятнадцати милях от Брейзаха. Теперь обо всем этом можно позабыть. Айзенбаха больше нет.

Иеронимус выбрался из города и сел на сырую траву, спиной к пролому в стене. Поглядел на горы, уходящие в небо, – вот бы идти да идти по склону, пока не уткнешься носом в костлявые колени святого Петра. Привычно разложил на коленях холщовый мешочек, вытащил кусок хлеба и четверть головки сыра, снял с пояса флягу.

Здесь почти не пахло гарью. В воздухе висел стойкий запах свежескопанной земли, как будто поблизости трудился усердный огородник. Прищурившись, Иеронимус различил во рву у подножья сторожевой башни более светлый участок и небрежно набросанные куски дерна. Он хорошо знал, что означает эта свежая земля. Не спеша перекусил, выпил из фляги несколько глотков красного вина, разведенного родниковой водой, аккуратно прибрал в мешок остатки трапезы. И только после этого пошел в сторону башни.

Те, кто закапывал в общую могилу мертвецов Айзенбаха, работал небрежно, набросав землю и дерн на сваленные в беспорядке трупы. Иеронимус остановился над могилой, чтобы прочитать молитву, и вдруг замер посреди слова. Из ямы явственно доносились голоса.

Нет, он не ошибся. Могила не была спокойна. Еле слышное бормотание, вздохи, всхлипывания. Потом срывающийся юношеский голос перекрыл все остальные. Иеронимус почти вьиве видел человека, у которого может быть такой голос: очень молодого, растерянного.

Юноша читал на латыни, сбиваясь через слово.

– И пошлю на него моровую язву и кровопролитие на улицы его, – прочитал он, судорожно перевел дыхание, глотнул, прежде чем продолжить: – и падут среди него убитые мечем, пожирающим его отовсюду...

– И узнают, что я – Господь, – заключил Иеронимус, когда юноша замолчал, словно у него перехватило горло.¹

Иеронимус опустил на колени, приблизил лицо к свежей земле, набросанной на могилу.

– Эй, – негромко позвал он, – вас закопали живыми, люди?

Тишина.

– Я помогу вам, но и вы должны себе помочь, – повторил Иеронимус. – Много ли в этой могиле живых?

Голоса словно исчезли. Потом юноша, бывший, видимо, среди них за главного, отозвался:

– Ни одного. Все мы мертвы.

– Откуда же ты говоришь со мной?

– Из глубин, – был тихий ответ. – Где червь их не умирает, и огонь не угасает.

– Ты священник, сын мой?

– Я был капелланом, – сказал юноша.

– Кто остальные?

И голоса из могилы заговорили – заторопились, засуетились, перебивая друг друга:

– Мы были жители этого города.

– Да, мы из Айзенбаха, из Железного Ручья, господин.

– Граф Эйтельфриц отдал нас на разграбление своим головорезам, иначе ему было не расплатиться с солдатами, которые сражались за него в Брайсгау.

– «Все, что возьмете в Айзенбахе, – ваше», – так он им сказал.

– Но и мы положили пять храбрых человек из отряда, покуда добыли свои кровные денежки, – ворчливо произнес хриплый мужской голос, и тут же завизжали женщины:

– Убийцы! Ироды! Будьте прокляты!

– Суди нас теперь по нашим делам, – сказал тот же хриплый голос.

Иеронимус покачал головой.

– Пусть судит вас Тот, Кто превыше меня, – сказал он.

– Всех нас, не разбирая, бросили в одну могилу, – жалобно проговорила какая-то женщина.

– Ни одной молитвы не прочитали над нами, – добавила другая.

– Все мы попадем в ад, – заключила третья. – А я каждое воскресенье ходила в церковь – и все без толку из-за проклятых ландскнехтов.

– Потому что их капеллан тоже был убит.

– Сунулся грабить, а я пальнул ему прямо в харю, – похвалился низкий мужской голос. – Я был булочником, но мог за себя постоять. Скажите, господин, теперь я проклят, как все эти убийцы?

– Раскаяние убивает грех, – ответил Иеронимус, – исповедь выносит его из дома, а епитимья погребает.

Булочник шумно вздохнул.

¹ Иезек., 28, 23.

– Они выбросили своего капеллана в ров вместе с его библией, облатками и распятием.
– Капеллан наемников – такой же проклятый Богом еретик, как они сами, – осуждающе произнесла женщина, которая каждое воскресенье ходила в церковь.

Иеронимус уселся поудобнее на мягкой земле, склонил голову набок.

Солнце уже высоко стояло над горизонтом. День был серый, и облака обещали скорый дождь.

– Я хочу говорить с капелланом, – сказал, наконец, Иеронимус.

Юноша сокрушенно отозвался:

– Я недостойный пастырь.

– Сейчас ты делаешь для своей паствы все, что в твоих силах, – возразил Иеронимус.

– Не таков я был при жизни.

– Иногда для покаяния довольно и мгновения, – сказал Иеронимус.

– Кто ты? – спросил, помолчав, убитый капеллан.

– Францисканец, – был ответ. – Мое имя Иеронимус. Что я могу сделать для тебя?

– Если ты действительно монах, то помоги моим ландскнехтам, – донесся еле слышно голос юноши. – Я оставил их погибать в грязи и безверии. Еще сегодня многие из них умрут во грехе.

– В какую сторону они пошли?

– К Страсбургу. Ты догонишь их, даже если пойдешь пешком. У них тяжелая телега и только одна хворая кляча.

Иеронимус поднялся на ноги, отряхнул колени. За спиной он слышал, как перешептываются в братской могиле Айзенбахские мертвецы.

* * *

Под проливным дождем дороги совсем раскисли, и тяжелые тележные колеса увязали по самые оси. Стоял конец августа.

* * *

– *Смотри, сынок, это госпожа Осень коснулась пальцем листа, и он пожелтел.*

– *Госпожа Осень дружит с деревьями, да, мама?*

– *Да.*

– *А кто ей враг?*

– *Никто. Как остановить госпожу Осень, ежели в один прекрасный день она просто приходит? Приходит и все.*

* * *

Грязь хватает за ноги, налипает на подошвы свинцовой тяжестью. Мокрые юбки облепляют ноги женщин, сумки и фляги бьют по бедрам. В обозе две молодые бабы, но кому дело до грудей, выпирающих из корсажа, когда нужно помогать бедной кляче, бьющейся в очередной луже.

В телеге остался один только Мартин – и то лишь потому, что умирал. Остальные раненые брели пешком. Мартин давно служил в отряде, в Своре Пропащих. Когда Мартин умрет, капитану Агильберту больше не с кем будет разделить свои воспоминания.

Отряд слыл отчаянным даже среди наемнических банд, бродивших во множестве по этой злосчастной стране, которую опустошила долгая война. У них был кровавый флаг,

Blutfahne, – грязная красная тряпка на обломанном древке. Они гордились этим. Девять лет назад, когда нынешний командир отряда, рыжий Агильберт, был еще простым пехотинцем, грозный Изенбард сжег женский монастырь. Простыню с кровавыми пятнами, на которой насиловали монахинь, он сделал своим знаменем. И когда кровь на ткани становилась коричневой, ландскнехты обновляли алый цвет, обмакивая полотнище в кровавые раны новых жертв.

Но Изенбард мертв, и со дня его смерти минуло уже пять лет. И почти все солдаты, помнившие его бородатое лицо с грозно вывороченными ноздрями, тоже в могиле. А сейчас умирает предпоследний.

– Плохо, что Мартин отойдет без причастия, – говорит Эркенбальда солдату, налегающему плечом на телегу. Под дождем подружка Мартина похожа на драную кошку. Остренький носик посинел от холода, светлые глаза глядят безумно, длинные белые волосы уныло свисают из-под насквозь промокшего капюшона.

Имя солдата – Ремедий. Он высок, широкоплеч и очень силен. Темно-русые волосы липнут ко лбу, где не перестает кровоточить рана. Тяжелая аркебуза горбатит серый плащ на спине. Солдат обвешан боеприпасами, как дерево идолопоклонников греховными подношениями: с шеи свисает плотный кожаный мешочек с пулями; потерявшая перевязь отягчена патронташем, который безбожники-ландскнехты именуют «одиннадцать апостолов»; на поясе болтаются прочие нехитрые причиндалы, которые важнее хлеба. Без хлеба не живет только солдат; без шомпола для чистки, оловянного пузырька для смазки, ветошки, запальных фитилей не живет аркебуза, а она куда важнее солдата. В другом мешочке – деньги: четыре гульдена жалованье, пара золотых женских сережек – добыча, взятая в Айзенбахе.

Ремедий уверен: хрупкая Эркенбальда ухитрилась взять гораздо больше. Бесстрашная баба, прет прямо в пролом, пока еще не рассеялся дым от выстрелов, – скорее, покуда всю добычу не расхватали другие. Двужильная Эркенбальда, подумал солдат с неприязнью, поглядывая на длинноносую фею со впалыми щеками. Ее дружок Мартин, который сейчас отдает концы в проклятой телеге, был Doppelsoldner, а она – Doppelfrau. Пока солдат получал двойное жалованье, его подстилка брала двойную добычу.

– Мартин умрет, как жил, – сказал Ремедий. – Полагаясь только на себя. При жизни он не слишком нуждался в Боге и Его служителях. Думаю, после смерти в раю ему не обрадуются.

– В аду его как раз ждет наш капеллан, – сказала женщина и грязно выругалась. – Сунулся грабить, скажи, какой храбрец. Теперь гниет во рву вместе с проклятым булочником.

– Сучий выродок, – равнодушно согласился Ремедий. – Кто-нибудь подобрал библию?

Женщина махнула рукой. Когда в ров сбрасывали трупы, она вместе с остальными бегло обшаривала тех, кто казался побогаче. Забрали пули, сняли кольца, серьги, цепи. А книгу никто даже искать не стал. Кому она сдалась, книга-то? В отряде грамотных не было. Да и крест на покойном капеллане был железный, плохонький.

– К вечеру доберемся до деревни, – крикнул капитан Агильберт, проходя мимо широким шагом. Из-за завесы дождя сквозь хлюпанье ног и копыт снова донеслось: – К вечеру будем в деревне.

– Мартин не дотянет до вечера, – сказала женщина, невидяще глядя капитану в спину. Она прошла немного вперед, задрала юбки и на ходу полезла в телегу.

– Сука, – сквозь зубы вымолвил Ремедий, вытер каплю крови, попавшую в глаз, и посильнее налег плечом.

Мартин лежал головой ко входу. Его закаченные белесые глаза слепо уставились на Эркенбальду. Он был еще жив. Губы умирающего шевельнулись, широкая борода задергалась.

– Пришла, – хрипло вымолвил он и перекатил голову – слева направо, справа налево. Женщина молча устроилась рядом, уставилась в сторону.

– Что приперлась? – повторил умирающий. – Полюбоваться, как я сдохну?

– Да, – не поворачиваясь, сказала Эркенбальда.

Телега несколько раз дернулась и остановилась. Похоже, завязла всерьез. Донеслась брань Ремедия, который часто поминал «проклятую бабу».

На мгновение Эркенбальда высунулась из-под навеса, гаркнула на солдата, окатив его проклятиями, и снова вернулась к Мартину.

Он тяжело дышал, широко открыв рот и блестя зубами.

– Давит, – выговорил он наконец.

– Это бесы у тебя на груди сидят, – отозвалась женщина, но перекреститься поленилась.

– Монаха не нашли? – спросил Мартин и осторожно перевел дыхание – боялся закашляться.

Эркенбальда расхохоталась ему в лицо.

– Монаха тебе! Монах тебя благословит, пожалуй... прямо в ад!

Мартин хрипло вздохнул.

– Устал я, – сказал он.

Снаружи загалдели голоса. Потом кожаные занавески отодвинулись, и показалось незнакомое лицо мужчины лет сорока. За ним маячила сияющая физиономия Ремедия – как будто невесть какой алмаз в грязи сыскал.

– А еще говорят, что молитвы не помогают! – сказал он. – Гляди, что я выудил в луже! Монах!

– Тьфу! – от души плюнула Эркенбальда.

Монах в темной мокрой рясе пристально посмотрел на нее.

– Ты действительно веришь, что из встречи со мной тебе может приключиться дурное? – с интересом спросил он.

Эркенбальда проворчала:

– А то, крапивное семя.

Внимательные светлые глаза монаха разглядывали ее так, будто пытались прочесть что-то сокровенное в душе маркитантки.

– Да сбудется тебе по вере твоей, женщина, – сказал монах. Протянув руку, он с неожиданным проворством схватил ее за волосы и вышвырнул из телеги в жидкую грязь. Лошадка испуганно шарахнулась назад, но телега ее не пускала. Бедная кляча заржала, и Ремедий подхватил ее под уздцы.

Не обращая ни на кого внимания, монах запрыгнул в телегу и опустил за собой занавески.

Мартин рассматривал неожиданного духовника без всякого интереса. Глаза его уже туманились.

– У нас с тобой мало времени, – сказал ему монах.

– Из какой задницы ты вылез, святоша? – спросил умирающий.

– Какая разница?

– И то верно. – Мартин опустил ресницы. – Скажи, это правда, что на груди у меня сидят бесы?

– Нет, – тут же ответил монах. – Во всяком случае, я их не вижу.

– Так и думал, что проклятая сука все врет.

– Ты умираешь, – сказал монах негромко. – Тебе лучше примириться с небом и с самим собой.

– Я ландскнехт, – проворчал Мартин. – Мы все тут прокляты. Ты видел наше знамя?

– Да, – сказал монах.

– Я сам купал его в крови. – Мартин открыл глаза, яростно блеснул белками.
– Я отпущу тебе грехи, – спокойно произнес монах. – Для того меня и позвали.
– Ну, спрашивай, только учти: я перезабыл все молитвы. Ты уж подскажи мне, какие слова принято говорить на исповеди.
– Не надо слов, какие принято говорить. Ты еще помнишь десять заповедей?
– Я убивал, – заговорил Мартин, прикрыв веки. – Я крал. Я лжесвидетельствовал. Я прелюбодействовал...

* * *

– *Значит, госпожа Осень приходит к деревьям, а не к людям, так, мама?*
– *Да, сынок. К людям приходит только Смерть.*

* * *

Когда тело Мартина, завернутое в старую мешковину, забросали сырой землей и воткнули в свежую могилу две палки, связанные крестообразно, капитан жестом подозвал к себе монаха. Тот подошел, почти не оскальзываясь на мокрой глине, остановился в двух шагах, откинул с лица капюшон.

Нехорошее лицо у монаха. Угрюмое, с тяжелым подбородком, рубленным носом. И губы сложены надменно, изогнуты, как сарацинский лук. При виде таких слугителей Божьих суеверные бабы спешат обмахнуться крестом и плюнуть.

– Уж очень вовремя ты появился, – сказал ему Агильберт вместо благодарности. – Мои люди впали бы в уныние, если бы знали, что им предстоит умереть без покаяния.

– Иисус сказал: «Исповедуйтесь друг другу», – напомнил монах, глядя на капитана странными, очень светлыми глазами.

– Всегда лучше, когда работу делает профессионал, – возразил Агильберт. – Мои ландскнехты обучены убивать. Смею тебя заверить, они делают это добросовестно. А ты обучен отпускать им грехи. Вот и превосходно. Пусть каждый занимается своим делом.

Монах шевельнул бровями и еле заметно раздвинул губы в усмешке, которая была и не усмешкой вовсе.

– Ты что-то хотел мне сказать.

– Да. Оставайся с нами, – прямо предложил Агильберт. – Ты бродяга, как мы, привык к походной жизни. И ума у тебя побольше, чем у нашего Валентина. Не станешь соваться под пули.

– Валентин? – переспросил монах. – Так звали вашего капеллана?

Агильберт кивнул.

– Храбрец был, – добавил капитан, желая показать этому незнакомому монаху, как велика понесенная отрядом потеря и как мало надежды ее возместить.

– Валентина застрелил булочник в Айзенбахе, когда святой отец полез грабить, – сказал монах.

Агильберт ошеломленно замолчал. Но пауза длилась недолго, после чего капитан громко расхохотался.

– Ай да святоша! – сказал он. – Даже это вызнал. Не зря столько времени торчал у Мартина... Так останешься? Я буду платить тебе пять гульденов в месяц.

– У Эйтельфрица капеллан получал тридцать пять, – заметил монах.

– Тебе-то что?

Монах пожал плечами.

– Я останусь с вами, пока во мне будет нужда.

И повернулся, чтобы уйти.

– Погоди ты, – окликнул его капитан. – Звать-то тебя как?

Монах повернулся, глянул – высокомерно, точно с папского престола, и ответил чуть не сквозь зубы:

– Иеронимус фон Шпейер.

Так Свора Пропавших обрела нового духовного наставника взамен отца Валентина, который большинству годился в сыновья.

Шальк

Неуживчив был тогдашний правитель Страсбурга Лотар. С городом обращался как Бог на душу положит, а что взгромоздит Всевышний на лотарову душу, и без того отягченную, – о том лучше не задумываться. Перед соседями же охотно выставлял Лотар свой драчливый нрав: если ни с кем и не воевал, значит, готовился к новому героическому походу. Вечная нужда в солдатах превратила Лотара в благосклонное божество для ландскнехтов.

К Страсбургу и двигалась Свора Пропавших после того, как Эйтельфриц Непобедимый был разбит у Брейзаха. И кем? Этим юбочником, Раменбургским маркграфом, который только одно и умеет – отсиживаться за крепкими стенами. И ведь отсиделся!..

Удача отвернулась от Эйтельфрица, а он все не хотел тому верить, бесновался, искал виноватых. Но Раменбургская марка устояла перед натиском его солдат, даром что разграбили половину деревень в округе. И когда под стенами Брейзаха полегли две трети воинства, набранного сплошь из отпетых головорезов, неистовый Эйтельфриц впал в ярость.

Повелел отрубить головы двум своим капитанам.

Колесовал шанцмейстера.

Выстроил длинный ряд виселиц для «дезертиров», как именовал теперь уцелевших после бойни солдат.

А под конец переломал, истоптав ногами, все павлиньи перья на своем берете...

Агильберту одного взгляда на это достало, чтобы подхватить в обоз то, что еще осталось от добычи, и той же ночью, не дожидаясь худого слова, двинуться прочь, к Айзенбаху, – взять свою плату за пролитую под Брейзахом кровь.

На полпути к отряду прибился артиллерист Шальк, и Агильберт взял его. Хоть и славился пушкарь поганым нравом и в картах передергивал, за что бывал жестоко бит, но одно то, что ушел от расправы, о многом говорило.

Был Шальк человеком неопределенного возраста – лет сорок можно ему дать. Невысокий, юркий, с острым взглядом из-под копны светлых волос, вечно невымытых и потому серых, как старая солома. А одевался так вызывающе, что коробило даже покойного отца Валентина. Уж на что духовный пастырь привык к ландскнехтам, и то повторял вслед за преподобным Мускулузом, прославленным в Берлине обличениями нечестивой моды: дескать, штаны подобного покроя более подчеркивают нечто, надлежащее быть сокрыту, нежели скрадывают оное. Шальк не соглашался, выдвигая контртезис: «Ежели Господу угодно было оснастить меня должным образом, то почему мне не восславить щедрость Его?» И продолжал таскать свое непотребство, на радость обозным девицам.

После брейзахского разгрома Эйтельфриц действительно обвинил Шалька в дезертирстве и потащил на виселицу. Шутка сказать: один из всего расчета остался в живых. Заливаясь слезами, висел Шальк на руках графских телохранителей, шумно оплакивая свою молодую жизнь и вечную разлуку с ненаглядной Меткой Шлюхой. И вдруг вывернулся и бросился бежать во двор, где еще раньше приметил разбитый пушечный ствол.

Как к возлюбленной, метнулся Шальк к тяжелому стволу. Пал на него, обхватив обеими руками.

Эйтельфриц позеленел от досады – едва не проглотил собственный берет, который в ярости грыз зубами, собираясь вынести приговор мерзавцу-пушкарю.

Даже самые злостные дезертиры из проклятого племени артиллеристов пользовались правом убежища возле своей пушки. Вместо алтаря им все эти Меткие Шлюхи и Безумные Маргариты.

Эйтельфриц вышел во двор, не спеша обошел пушку кругом. Шальк продолжал лежать плашмя, прижимаясь всем телом к стволу. Из-под густой пряди, упавшей на глаза, поглядывал за Эйтельфрицем – что еще надумает сумасшедший военачальник.

А Эйтельфриц все ходил вокруг, как кот вокруг мышеловки, все раздумывал, сунуть ли лапу, не прищемит ли и его.

– Уморить бы тебя, подлеца, голодом на этой железке, да некогда, – гласил оправдательный приговор Эйтельфрица.

И Шальк улыбнулся.

На всякий случай дождался ночи и только тогда, с опаской, отошел от Меткой Шлюхи.

Осторожно выбрался из расположения Эйтельфрица и со всех ног припустил бежать в темную ночь, примечая по колесному следу, куда двинулся обоз Агильберта.

От Эйтельфрица Шальк получал десять гульденов в месяц, о чем в первый же день сообщил Агильберту.

Тот предложил четыре.

– Сука, – сказал Шальк своему новому командиру, – дай хотя бы восемь.

– Жадность задушит тебя, Шальк, – сказал Агильберт. – Правду говорят о пушкарях, что свои деньги рядом с ихними не кладут.

Шальк заинтересовался.

– Это почему еще?

– Пожрут, – ответил капитан. – Хрум-хрум – и нет солдатских денежек.

Шальк призадумался, потом улыбнулся, покачал головой.

– Загибашь, – сказал он. – Я слышал эту историю. Она не про пушкарей вовсе, а про тех, кто дает деньги в рост.

– Какая разница? – Агильберт пожал плечами и встал, давая Шальку понять, что разговор окончен. – Все равно больше четырех не получишь.

– А Мартину, Радульфу и Геварду платишь восемь, – крикнул Шальк ему в спину. Капитан даже не обернулся. Шальк выругался и тут же забыл о своей неудаче.

Так появился в отряде Шальк.

* * *

Дожди зарядили надолго. День сменялся днем, деревня сменялась деревней. Как в ярмарочном вертепе, мелькали перед глазами лесистые горы, крестьянские дома, островерхие церкви, замки мелких землевладельцев, оштетинившиеся башнями. При виде солдат крестьяне бросали работу и бежали куда глаза глядят.

Народ в этих краях простоватый и работающий, на солдат глядит в смятении, со страхом, как глядел бы на чертей, вздумай те строем выйти из ада. Сколько таких отрядов прошло через эти деревни – Бог весть. И вряд ли скоро конец войне и грабежу.

Солдаты тоже не обременяли себя раздумиями о будущем. На их век хватит крестьянских кур и перепуганных девок.

* * *

Шальк сразу же невзлюбил нового капеллана. Кроме него, по-настоящему ненавидела Иеронимуса Эркенбальда. Женщина злилась на монаха за то, что он посмеялся над ней, мужчина – за то, что не дал посмеяться над собой.

Шальк считал себя богохульником, чем чрезвычайно гордился, а новому капеллану не было до этого, похоже, никакого дела. Как ни изощрялся пушкарь, ему не удавалось вывести из себя этого Иеронимуса фон Шпейера.

Наконец он явился к тому вечером и, обдавая монаха кислым запахом пивного перегара, попросил отпустить грехи. Дескать, пора – накопилось.

Иеронимус без улыбки посмотрел на солдата, сел рядом. Огромная луна висела над ними в черном небе, река плескала внизу. Лагерь разбили на склоне виноградной горы, и в дневном переходе отсюда были видны поздние огни в деревне.

– Я грешник, – вымолвил Шальк заплетающимся языком.

Никакой реакции. Монах продолжал сидеть неподвижно.

Четверть часа Шальк, путаясь в словах и жарко вздыхая, каялся в том, что свою сумасшедшую Кати любит более спасения души своей. Расписывал ее дивную дырку, чудную пустоту ее лона.

– Что только не совал я туда, и руками лазил, и заглядывал... – бормотал Шальк.

Иеронимус слушал, не перебивая и не меняя выражения лица. Наконец Шальку стало скучно.

– Ничем тебя не проймешь, – с досадой сказал пушкарь. – Чтоб в аду тебе сгореть, святой отец.

И признался: говорил о своей пушке.

– Я понял, – спокойно отозвался Иеронимус. – Других грехов за тобой нет?

– А как же, – с готовностью ответил Шальк.

Монах молча глядел на него. Ждал.

– Бабий грех один за мной, – таинственно заговорил Шальк, понижая голос. – Извел младенца во чреве.

Луна немного сместилась. Ночь шествовала над рекой, и так неинтересно было Иеронимусу слушать пьяного солдата, так хотелось остаться наедине с тишиной и звездами.

– Как это – извел младенца? – нехотя спросил Иеронимус.

Шальк взмахнул рукой, как будто ножом пырнуть хотел.

– Вспорол брюхо беременной бабе. Убил и ее, и ребенка.

Даже в темноте было видно, как победоносно сверкнули его глаза.

Монах дернул углом рта.

– Наговариваешь на себя, – сказал он точно через силу. – А что по пушке скучаешь, так это не грех. И в пушечный ствол руками лазить не возбраняется ни человеческим законом, ни Божеским. Иди, дитя мое, и больше не грехи.

Чувствуя себя последним дураком, Шальк яростно выругался и с той минуты возненавидел монаха лютой ненавистью.

Хильдегунда

Дорога вошла в деревеньку, но почти не стала лучше, только прибавились отбросы, плавающие в мутных лужах. Тощий пес, ребра наружу, увязался было за солдатами, да Эркинбалда пристрелила его из длинноствольного пистолета, чтобы не своровал чего-нибудь из еды.

Бросив телегу там, где завязла по самые оси, Ремедий выпряг лошадь и, оставив отрядное добро на попечение Эркинбалды, повел животное к деревенскому трактиру. Остальные потянулись следом.

Проходя мимо убитой собаки, Шальк вдруг с сожалением оглянулся, дернул носом, но тут подловил на себе пристальный взгляд монаха и с сердцем пнул жалкий труп ногой.

Хозяин трактира уныло глядел, как к нему, радостно скаля зубы, приближаются головорезы. Заранее подсчитывал убытки. Заодно опытным глазом определил в этой пестрой толпе главаря – вон тот, рыжий, слева идет. Ох, и противная же рожа. У такого снега зимой не допросишься, а довод один – двуручный меч, который несет, положив на шею. Ножны бедные, зато меч богатый – это издали видать.

Нет, очень не понравился капитан наемников деревенскому трактирщику. От рыжего, да еще с обильной проседью, добра не жди. Нос крюком, рот прямой, от веснушек кожи не видать, глаза серые с желтыми точками, как у зверя.

Рыжий жестом подозвал к себе трактирщика, сунул всего один гульден, зато гонору проявил потом на все сорок.

Ремедий отвел лошадь на конюшню, самовластно забрал сено из других яслей и все отдал солдатской кляче. Хозяин даже заглядывать туда побоялся. У Ремедия косая сажень в плечах, морда угрюмая, туповатая – сразу видно, что парень деревенский и умом не изобилует. Обтер Ремедий руки и явился в дом, туда, где у остальных уже трещало за ушами.

Хозяйка на кухне только успевала поворачиваться, когда ее размашисто хлопнули по увесистому задку. Женщина так и замерла с половником в руке. Греховодники, ей уж под пятьдесят, сыновей вырастила. Потом осторожно обернулась и увидела прямо перед собой солдатскую рожу. Остроносоую, хитрую.

– Зажарь-ка, матушка, – ухмыляясь, сказал Шальк и сунул ей поросенка.

С розовой тушки тяжело капала кровь.

– Святые угодники, – охнула женщина, приседая.

– Со святыми – к нашему капеллану, матушка, – заявил Шальк.

– Это же господина Шульца свинка, – запричитала женщина.

– Делай лучше, что говорят.

– Так... постный день нынче, – глупо сказала хозяйка, не решаясь дотронуться до краденого.

Солдат ткнул ей убитым поросенком в лицо, так что она поневоле подхватила тушку.

– Я и по постным краду, – сообщил Шальк и вышел, хлопнув дверью кухни.

С белой стены сорвался медный тазик для варки варенья. Женщина беспомощно всхлипнула и взялась за нож.

Низкий дощатый потолок у трактира. Лавки до блеска отполированы задницами – еще дед нынешнего владельца содержал заведение. А тогда строили – не то, что сейчас. На века строили.

Отчаянно коптили толстые сальные свечи, галдели голоса. Сегодня деревенские старались обходить трактир стороной. Весть о прибытии отряда наемников облетела деревню задолго до того, как телега увязла в грязи перед домом почтенного Оттона Мейнера.

Под поросенка хорошо пошло светлое пиво. Зашлепали о скамью игральные карты. От засаленных кожаных карт пахнет костерным дымом. Ремедий опять проигрался, простая душа, хотя даже капеллан видит, что Шальк и Радульф безбожно жульничают. И Агильберт, конечно, видит. Но молчит, только зубы скалит. Плюнув, Ремедий отдал последний гульден, залпом допил свое пиво и ушел спать в телегу, брошенную на улице.

Капитан жестом подозвал к себе хозяина, велел сесть. Тот присел на краешек скамьи, обреченно уставился в волчьи глаза Агильберта.

– Ну, и как называется эта чертова дыра? – спросил капитан, помолчав, – для остратки.

– Унтерайзесхайм...

– Далеко ли до Страсбурга?

– Вы погостите у нас, господин? – очень осторожно любопытствовал трактирщик.

Капитан захохотал, сверкая зубами.

– Ты уж обосрался от страха, что мы засядем тут на целую зиму, а?

Трактирщик тихонечко улыбнулся, но видно было, что он воспрял духом. Начал подробно описывать дорогу до Страсбурга. Выходило, что отсюда ведет в город Лотара прямой тракт, наезженный и укатанный, так что даже осенняя распутица оному тракту нипочем.

Капитан, хоть и выпил изрядно, трезвости ума не утратил. Слушал внимательно, кивал. Разлил на столе пиво и, макая палец, принялся рисовать карту. Трактирщик вносил поправки. Оба увлеклись. В конце концов Агильберт размазал карту ладонью, обтер руку о рубаху трактирщика и угостил того пивом. Тот выпил, шумно рыгнул и с заметным облегчением удалился.

Прибавилось девиц. Явились две из местных, пришла Эркенбальда – острый нос, острый взгляд, растрепанные белые волосы. Бросила злой взгляд на монаха. Иеронимус сидел в углу, сутулясь над кружкой пива, но Эркенбальда была уверена – вот уж кто не пропускает ни взгляда, ни слова из всего, что происходит вокруг. Иначе зачем ему здесь торчать, трезвому среди пьяных?

А солдаты уже порядочно набрались. Расплескивая пену из кружек, стучали ими по столам и протяжно распевали во всю мощь солдатских глоток:

Di-i-ich, mein Heimatsta-a-a-l
Kuss ich ta-ausendma-a-al...²

При последнем слове капитан вдруг обеими руками обхватил сидящую рядом тощую деревенскую девицу и жадно поцеловал в губы. Девица облизнулась и победоносно оглядела собравшихся.

Раздался громовой хохот. Смеялись все, даже кислое личико Эркенбальды сморщилось в улыбку. Только Хильдегунда не пошевелилась. Сидела и молчала. Длинная черная прядь попала в кружку с пивом, но женщина не обращала на это внимания.

Хильдегунда была подружкой капитана. Больше двух лет таскалась с отрядом, исходила пешком все дороги между Неккаром и Рейном, нажила немного денег, но еще больше потратила. Родился у нее ребенок, но умер, не прожив и полугода.

Была Хильдегунда рослой, широкой в кости и плохо кормленной. Лицо у нее простое, скулы такие широкие, что на глаза наезжают. Не глаза, а щелки. Два богатых дара у Хильдегунды: голос и густые черные волосы. Благодетельные люди говорят, что красивые волосы – верный признак ведьмы, ведь любуясь своей красотой, женщина поддается суетным мыслям и легко становится добычей дьявола.

² Тебя, мое Отечество, Лобзаю я бессечно...

Хильдегунда не была уверена в том, что не проклята на веки веков, но обсуждать это боялась даже с отцом Валентином, хотя вот уж кто легко прощал женщинам все их грехи. Иеронимус фон Шпейер вызывал у нее ужас, и нового капеллана Хильдегунда тщательно обходила стороной. Сейчас он сидел почти напротив нее, и она не решалась поднять на него глаз.

Сидела неподвижно, приоткрыв рот, и глядела на капитана. А тот снял со своего плеча руку соседки, бухнул кружкой о стол и запел, перекрывая застольный шум. Грустно запел, как будто оплакивал что-то:

Lasst uns trinken, lasst uns lachen
Konig Karl kommt nach Aachen...³

Хильдегунда вскинула голову, подхватила.

Постепенно все прочие голоса смолкли. Только эти два остались. То сливались, то расходились они: мужской – высокий и сиплый, как будто пропыленный, и женский – низкий, из глубины души исходящий.

Платье на Хильдегунде сбилось, открыв плечо, худое, слегка загнутое вперед. Поет, наматывает на палец черный локон, а узкие глаза стали наглыми. И красива была Хильдегунда в те минуты так, что взгляда не отвести.

Lasst uns kampfen, lasst uns sterben, –⁴

речитативом проговорила женщина. И вместе с капитаном они заключили:

Konig Karl ruft nach seinen Erben...⁵

Мгновение висела ошеломленная тишина. А потом капитан уперся кулаком в бедро и расхохотался. До слез, оглушительно. И остальные, точно по команде, ожили, заерзали, загалдели.

На скулах девицы проступили красные пятна, рот растянулся, и лицо сразу стало уродливым.

– Ты всегда меня брала пением, – сказал Агильберт. – И как это у солдатской подстилки может быть такой дивный голос?

– А может, дьявол ее телом владеет? – спросила Эркенбальда, наклоняясь через стол. – Если беса изгнать, она тут же и падет мертвая. Не дано человеку петь так сладостно.

– Дано, – сказал Иеронимус из своего угла.

Эркенбальда метнула на него взгляд.

– Тебе почем знать?

Иеронимус пожал плечами.

– Знаю и все.

– Ты могла бы зарабатывать на жизнь пением, – сказала Эркенбальда, обернувшись к черноволосой.

– Тогда платите! – пьяно крикнула Хильдегунда. – Платите за мой голос, вы!..

³ Будем пить и веселиться, Карл-король сидит в своей столице...

⁴ Будем биться, будем умирать

⁵ Карл-король велит наследника призвать...

– Возьми, – забавляясь, сказал капитан и пустил по столу монету. Женщина прихлопнула монету ладонью, сунула в кошель, спрятанный под юбками, мелькнула на мгновение ослепительными белыми ногами.

– Дурак ты, Агильберт, – равнодушно отозвалась она, одергивая на себе платье. – Вот соберу себе приданое и выйду замуж.

Хохот грянул со всех сторон. Громче всех смеялись женщины. Одна из деревенских поперхнулась и кашляла, покуда Шальк не огрел ее по спине кулаком.

Хильдегунда покраснела еще гуще, упрямо нагнула голову.

– А что вы думали? – повторила она. – Не век же мне с такими, как вы, путаться.

– Блядей замуж не берут, – выкрикнул Шальк.

Женщина повернулась к нему.

– Я не всегда буду блядью.

– Милая, – раздельно проговорил капитан, – не все быльем порастает.

– А вот и нет, – запальчиво сказала женщина. – Я знаю способ. Мне тетка говорила.

– Зашьешь ты свою дырку, что ли? – спросил Радульф.

– Можно вернуть девственность, если... – начала женщина и запнулась, чувствуя, что все глаза обратились к ней.

Шальк уже не смеялся – тихо всхлипывал и постанывал от хохота.

– Говори, – приказал капитан.

– Трудно вымолвить, – призналась Хильдегунда, багровая, как свекла.

– Делать не стыдно, а говорить боишься?

– Так говорить – не делать... Нужно... переспать с монахом.

Сказала – и страх охватил ее.

В трактире стало тихо. И в этой тишине слышно было, как под столом храпит кто-то из солдат, упившись насмерть.

Рыжий капитан внимательно поглядел на женщину, медленно растянул губы в нехорошей улыбке.

– Хорошо, Хильдегунда. Я отдам тебе кошелек, тут шестьдесят гульденов, все мои сбережения... – Он снял с пояса увесистую мошну, вытряхнул на стол. Несколько монет упало на пол, и рыжий пренебрежительно толкнул их ногой. – Все будет твоим, забирай хоть сейчас.

Темные глаза женщины вспыхнули, в них загорелся золотистый свет. Она встала. Глубоко вздохнула. От ее дыхания колыхнулся огонек свечи. Обошла стол, наклонилась над деньгами, провела по ним кончиками пальцев.

Капитан накрыл ее руку своей широкой ладонью.

– Но сначала верни себе невинность, – сказал он.

– Ты обещаешь? – И вскинула глаза.

– Да. Если ты действительно пересподишь со служителем Божьим.

Капитан повернулся к Иеронимусу, которого все это время демонстративно не замечал, и впервые за вечер посмотрел ему в глаза.

– Наш капеллан тебе подойдет?

Женщина наконец решилась взглянуть на монаха.

– Да... если у него есть все, что у других мужчин.

– Вы ведь не откажете бедной девушке, святой отец? – чрезвычайно вежливо спросил капитан у монаха. И надвинувшись всем своим внушительным телом, прибавил угрожающе: – Тебе ведь еще не оторвали яйца, святоша?

– Не оторвали, – сказал Иеронимус, еле заметно улыбнувшись.

– Ну так сделай любезность Хильдегунде. Посмотри, какая она славная да хорошенькая. И безотказная, можешь поверить.

Капитан взял женщину за плечо и сильно дернул за ворот платья, открывая маленькие острые груди. Иеронимус протянул руку и коснулся их ладонью – осторожно, как будто боялся уколаться.

Агильберт следил за ним, едва не облизываясь.

– Сколько на тебя гляжу, святой отец, столько удивляюсь, – заметил он. – Впервые встречаю такого монаха.

– Мне нравится твоя подружка, – сказал монах. – Она благочестива и набожна. Почему бы не помочь ей ступить на путь добродетели?

Все присутствующие снова захохотали, но Агильберт заметил, что Иеронимус говорит вполне серьезно, и потому даже не улыбнулся.

Монах неторопливо снял рясу и остался в чем мать родила. Оказался он крепкого телосложения, с намечающимся брюшком.

Капитан смерил его взглядом с ног до головы, одобрительно хмыкнул и сдернул с девицы юбку одним быстрым движением.

Женщина тихо ахнула, прикрылась рукой.

– Что... прямо здесь? – спросила она в ужасе.

– Почему бы нет? Я должен видеть, что святой отец выебал тебя по всем правилам. Нет ничего проще, чем поболтать наедине, а потом сказать, что дело сделано. За что я отдаю денежки? За то, чтобы ты прочитала «отче наш» в компании отца Иеронимуса? Нет, пусть уж все по-честному.

Остальные одобрительно загудели.

– Но... увидят, – пролепетала Хильдегунда.

Капитан рассмеялся.

– Когда ты валишься на солому со мной или с кем-нибудь из моих молодцов, Бог все равно видит тебя, куда бы ты ни скрылась, – сказал он назидательно, точно цитируя проповедь. – Так какая разница, увидят ли тебя при этом люди?

С этими словами он подхватил Хильдегунду на руки и уложил на стол, голой спиной в пенные пивные лужи.

Женщина уставилась в низкий потолок, неподвижная, как доска. Живот ввалился, точно приклеился к спине, подбородок и груди выставились наверх.

На мгновение Иеронимусу показалось, что сейчас пирующие солдаты начнут откусывать от нее по кусочку, но тут Агильберт подтолкнул его к девушке.

– У ней там зубы не растут, – сказал он, – не бойся, отец Иеронимус.

Монах встал ногами на скамью, перебрался на стол. Постоял на коленях над распростертой женщиной, вздохнул и осторожно лег на нее. Она была холодной и очень костлявой.

В трактире загремели пивные кружки. В такт орали солдаты:

Eins, zwei – Plunderei!

Когда они в пятый раз дошли до

Sieben, acht – gute Nacht...

женщина глубоко вздохнула и обняла монаха за шею. Иеронимус поцеловал ее в лоб, как ни в чем не бывало встал. Обтерся. От пива отказался. Невозмутимо нагнулся за своей одеждой.

– Доброй ночи, – сказал он собутыльникам и вышел за дверь под рев поздравлений.

Женщина села на столе, подгрестила под голое бедро деньги, плюнула в сторону Агильберта.

– Ты порвал мое платье, – сказала она.

– Другое купишь, – отозвался рыжий. – Ты теперь богата, сучка.

– Порвал платье, – повторила она. – Как я уйду отсюда?

– Как пришла, – сказал капитан. – Забыла, в какой канаве я тебя нашел?

– Не забыла, – сказала Хильдегунда с ненавистью.

Кое-как натянула на себя юбку, приладила на груди порванный лиф.

– Я ничего не забываю, – добавила она и аккуратно сложила монеты в кошель, не оставив и тех, что валялись на полу.

– Потихе, а то выебу, – пригрозил капитан. – Еще слово, и пустим тебя по кругу. Пропадет тогда твоя невинность. Где еще найдешь такого сговорчивого монаха?

Женщина повернулась и вышла в ночную темноту. Постояла, пока привыкнут глаза, прижала юбку к бедрам, чтобы не хлопала на ветру. Разглядев поблизости темную фигуру, испугалась.

– Это я, – проговорил мужской голос, и она узнала Иеронимуса. – Не бойся. Он много денег дал тебе?

– Не твое дело.

Монах пожал плечами.

– Смотри, чтобы Агильберт наутро не передумал.

– Я умею постоять за себя, – заявила Хильдегунда.

– Не сомневаюсь. Но тебе лучше уйти прямо сейчас.

Женщина помедлила, потом спросила:

– Как ты думаешь, я действительно возвратила себе невинность?

– Я думаю, ты раздобыла себе неплохое приданое, Хильдегунда.

Она еще немного помолчала, прежде чем сказать:

– Ты погубил свою душу.

Иеронимус хмыкнул – его позабавила убежденность, прозвучавшая в голосе женщины.

– Не думаю.

– Да, погубил. И все ради падшей женщины.

– Многое зависит от того, как ты распорядишься своими деньгами, Хильдегунда.

– Лучше бы мне оставаться бедной.

– Бедность и добродетель редко ходят рука об руку.

– Разве не в бедности возвышается душа?

– Душа возвышается в умеренном достатке, – сказал Иеронимус. – Бедность – слишком тяжелое испытание, и слабым оно не под силу.

Женщина стояла неподвижно. Ветер шевелил ее распущенные волосы. Вдруг она подхватила юбки и бросилась бежать.

Иеронимус смотрел ей вслед и улыбался.

Бальтазар Фихтеле

Шел себе и шел человек по лесной дороге, нес лютню за спиной, и еще был у него при себе нож. Одет был в дрянную мешковину, рожу имел круглую, веселую, сложение богатырское. Из Хайдельберга шел он и с гордостью сообщал о себе – «*litteratus sum*». Вот и взяли его в Свору Пропавших, как подбирали по дороге все, что плохо лежало.

Вечером хорошо послушать, как врет Фихтеле. Только не нужно чрезмерно наливать ему из фляги, а то петь возьмется. Ничего более ужасного и косноязычного, чем пение студента, невозможно себе представить. А глотку ему заткнуть чрезвычайно трудно.

Dir, mein liber schatz,
Geb ich hanttruvebratz,
Damit du dich erinne
An minne...⁶

В лесу сыро, темно августовскими ночами. И так тихо, что слышно, как собаки лают в деревне, до которой еще полдня ходу. Раскладывали костер побольше. Докуда хватает свету, там и стены, а за стенами – ночь, волки и кое-что похуже, лучше и не думать.

– Расскажи еще про Хайдельберг, – просит Эркенбальда.

Она теперь большая дама, спит с капитаном, о Хильдегунде ни слова.

– Чудно, – говорит простодушный Ремедий Гааз. – Ведь мы были в Хайдельберге прошлой весной. А Фихтеле послушать – совсем другой город. И где были мои глаза, коли я всех этих чудес не разглядел?

Все хохочут.

Быв в Хайдельберге студентом, навещался Фихтеле к одной замужней даме. Жила она в богатом доме при небольшом садике. Садик располагался с западной стороны, и Фихтеле никогда там не бывал. Слишком открытое место, неровен час увидят соседи. Потому с наступлением ночи прокрадывался в дом к любезной своей конкубине, сиречь возлюбленной, и она принимала его в темной комнате окнами на восток. И вместе любовались восходом луны...

– Только любовались? – спрашивает Гевард.

Рослый детина Гевард, весь в шрамах. Казалось, весь мир ополчился извести солдата, но никак не добьет – живуч ландскнехт.

– Да нет, не только, – не смущается Фихтеле.

Тут же со всех сторон шиканье: не мешай рассказывать!

– И вот однажды, когда я развязал завязки на корсаже у моей дамы и две прелестные пленницы выскочили на волю из своей узкой темницы...

– О чем это он? – шепотом спрашивает Ремедий у Геварда. – Уже две бабы? Была же одна.

– За сиськи ее ухватил, – поясняет Гевард.

– ...как заскрежетал замок, и в дом вошел господин законный супруг моей дорогой подруги.

Эркенбальда тихо вздохнула, откусила от хлеба, который держала в руке.

– Увидев нас вместе в объятиях друг друга, сильно разгневался он и повелел неверной жене своей идти наверх, в супружескую спальню, а ко мне обратился с такими словами: «Признаешь ли ты, что как вор проник в мой дом и попытался опозорить имя мое и жены

⁶ Тебе, моя милашка, Даю я золотую пряжку, Чтоб помнилось в далекой стороне О моей любви и обо мне...

моей?» Ну, я признался немедленно и со слезами предался в руки господина мужа подруги моей. «Ибо я грешен перед вами, и теперь вы можете вершить надо мною суд, как вам будет угодно». Он взял меня за руку и вывел в сад. Тот самый, что размещался с западной стороны дома. Там поставил у стены и велел пройти вперед, отсчитавши десять шагов. «И ближе, чем на это расстояние, не приближайся к моему дому», – добавил. Я повиновался, а затем, как заяц, метнулся в сторону и бросился бежать, не веря спасению. Такого страха он на меня нагнал.

Фихтеле замолчал, пошевелил в костре ветку.

– Не понимаю я, – сказал Гевард. – Что такого страшного было в том наказании?

Фихтеле повернулся к нему, хмыкнул.

– В том-то и дело, что ничего. Этого и испугался.

– И что, больше не ходил к той женщине? – спросил Ремедий.

– Отчего же... Через три или четыре дня явился, больно уж хотелось мне обнять ее, мою красавицу. И снова началась наша любовь. Таясь, приходил к ней вечерами. И как-то раз снова застал нас вместе ее муж. У меня душа ушла в пятки, когда показался он на пороге. Лицо бледное под черной шляпой, на груди золотая цепь в три ряда, левая рука в перчатке, правую, без перчатки, в кольцах, ко мне тянет. У меня со страху слезы полились из глаз. Он говорит: «Подойди ко мне». Подошел. «В прошлый раз не говорил ли тебе, чтобы не приближался к этому дому ближе, чем на десять шагов?» – «Говорил, господин». – «Ну так идем со мной». Повернулся, за собой поманил. Я за ним, а у самого ноги от страха подгибаются. Вправе он убить меня в саду, никто с него не спросит, куда, мол, делся студент Бальтазар Фихтеле?

– Дальше-то что? Не тяни, – жадно сказал Радульф, еще один старый товарищ капитана. Агильберт с усмешкой покосился на него: до седых волос дожил солдат, а все так же любит сказки.

– Дальше? Привел он меня в сад и велел отойти от дома на двадцать шагов. Я воспрял духом. Больно уж легко удастся отделаться от обманутого мужа. Он только расстояние увеличивает между мною и женой своею... Пробежал я эти двадцать шагов с поющим сердцем... и на последнем свалился в глубочайшую яму, локтей тридцать пролетел. Все кости себе переломал...

– Как же ты жив остался? – спросил Ремедий, видя, что рассказ окончен, а самое главное так и не прояснилось.

– Да разве это жизнь? – вопросом на вопрос ответил Фихтеле под всеобщий хохот и полез в кошель за игральными картами.

Через несколько дней Фихтеле сбил себе ноги и теперь плелся, сняв сапоги. От холода весь посинел и чаще, чем следовало бы, навевывался к Эркенбальде с просьбой о фляжке дешевого рейнвейна. Женщина не отказывала, скупой улыбалась тонкими губами, цедила жидкое вино. Фихтеле задолжал ей жалованье уже за полмесяца, но не слишком печалился – кто знает, настанет ли завтра утро.

– Хотите подкрепиться, святой отец? – привязался он к Иеронимусу, протягивая ангстер, фляжку формой и размером похожую на луковицу.

Иеронимус отказываться не стал, глотнул.

– А разводит вино Эркенбальда-то, – сказал он, обтирая губы. – Экая ведьма.

Фихтеле забрал ангстер, завинтил пробку.

– И пес с ней, – беззаботно сказал он. – У вас нет мази от мозолей, отец Иеронимус?

– К сожалению, нет.

– А, бречное тело, значит, не врачует? Только падший дух поднимаем на должную высоту?

– Когда есть возможность, врачую и тело, – сказал Иеронимус, не поддаваясь на полупьяную провокацию студента. – Как же случилось, что ты натер себе ноги?

– Так сапоги ворованные, – просто ответил Фихтеле. – Маловаты оказались.

– Тебе нужен совет?

– А что еще взять с вашего брата?

– В таком случае, либо не воруй что попало, либо заранее готовься к последствиям.

Фихтеле захохотал.

– Хороший же у ландскнехтов духовный пастырь. Не понимаю, за что они вас так ненавидят.

Иеронимус пристально поглядел своему собеседнику в глаза.

– Ненавидят? Ты уверен?

– Любили бы – не вешали бы напаслину.

– Что ты называешь напаслиной?

– Ну, например... Да нет, глупости. – Фихтеле хохотнул, поддел босой ногой камешек. – Шальк вчера врал. Будто у вас были какие-то интимные отношения с обозной шлюхой. Будто оттрахали ее, прости Господи, у всех на глазах, а потом выгнали в холодную ночь.

Фихтеле подождал ответа, но Иеронимус молчал. Тогда студент сказал:

– Так это что... правда?

– Да, – сказал Иеронимус. – Это правда. Так что не наговаривай на Шалька.

Фихтеле дернул бровями, хмыкнул.

– Странный вы пастырь... Знаете, отец Иеронимус, я ведь много читал там, в Хайдельберге. Мы с моим другом наведывались к одному планетарию, и он пересказывал нам немало сочинений ученых мужей по науке чтения звезд. Говорил, что те или иные изменения констелляций созвездий производят строго определенные изменения в нраве человека...

– В таком случае, почему бы не молиться прямо на звезды? – спросил Иеронимус.

Фихтеле пожал плечами.

– Я не говорю, что разделяю его мнение. Он рассказывал, будто знал с почитателями Зороастра и от них получил многие знания...

– Зороастр родился смеющимся. Викентий из Бовэ в «Зерцале истории» полагает его сыном Хама и внуком Ноя, говорит, что свои знания он получил от дьявола.

– Вы верите этим сказкам, отец Иеронимус?

– Я верю в то, что предписывает мне моя религия и моя церковь, – сказал Иеронимус.

Фихтеле покачал головой.

– Да вы настоящий мракобес, как я погляжу...

Иеронимус ничуть не смутился.

– Возможно, – сказал он. – А что в этом плохого?

– Не знаю. Для вас, вероятно, ничего. А вы что, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** верите в то, что благодаря дьяволу Зороастр смеялся при своем рождении?

– А ты веришь в те истории, которые рассказываешь у костра?

– И да, и нет...

Иеронимус улыбнулся.

– Вот видишь.

– Если вы не донесете на меня святой инквизиции, я еще расскажу про того планетария.

– Не донесу.

– Ладно. Вот о чем мы спорили. Под какими зодиакальными знаками следовало бы рассматривать Бога и дьявола? Является ли Бог Раком, а дьявол Козерогом? Тому немало подтверждений. Ибо дьявол может быть отождествлен с Сатурном, господином Козерога, планетой неблагоприятной, отбирающей, запирающей. Бог же – с благодатным Юпитером, раздающим добро и щедро изливающим свет, а известно, что Юпитер – господин Рака.

Иеронимус слушал, не перебивая. Студент увлекся, говорил, захлебываясь.

– Но с другой стороны, можно возразить на это: Сын Божий родился, как известно, двадцать пятого декабря, то есть под знаком Козерога. Следовательно, Бог может быть также связан с Козерогом, с устремлением вверх, в горние выси. В то время как потаенное, низменное отдано во власть Рака – дьявола, чудовища, копошащегося на дне колодца...

Он победоносно поглядел на Иеронимуса. Монах сказал:

– Бог бесконечен и потому включает в себя свойства Козерога, как и свойства Рака. Дьявол же по природе своей ограничен и потому может проявляться либо в одной, либо в другой из названных форм. Где противоречие?

– Почему вы принижаете дьявола и его роль? – горячо спросил Фихтеле. – Разве могло бы существовать добро во всем его блеске, не будь на земле зла, чтобы его оттенять?

– Бог устроил так, что и зло служит во благо Ему, – сказал Иеронимус.

– Так как существовало бы это самое добро, если бы не было зла? Как бы мы увидели свет, не будь рядом тени?

– Если бы существовало одно только добро, не было бы нужды его показывать и оттенять, – отозвался Иеронимус. – Добро может существовать без зла, но зло никогда не может существовать без добра. Не впадай в ересь, Фихтеле. От твоих рассуждений всего один шаг до дьяволопоклонничества.

* * *

С тех пор бранное слово, слетевшее с уст разобиженного студента, осталось за Иеронимусом как прозвище. И скоро все ландскнехты между собой называли его не иначе, как «Мракобес».

Алтарь Дьерека

Небольшой монастырь открылся перед солдатами сразу за поворотом дороги. Несколько старых строений за стенами, сложенными в старину серым булыжником. Неприступный, суров облик монастыря в долине Эльца в недельном переходе от Страсбурга, и монахи в нем под стать.

Когда ландскнехты остановились у кованых ворот, наглухо закрытых, немало времени прошло, прежде чем на стене, наполовину хоронясь за зубцом, показался монах. Приземистый, плотный, с квадратным лицом, стоял он, подбоченившись, и хмуро разглядывал солдат Агильберта.

Очень не нравились ему они.

Телега, крытая дерюгой и кожей, с разбитыми колесами. Если вскорости не починить колымагу, ахнет в какой-нибудь луже, и придется бросить груженное на нее добро.

Между кожаных занавесок чертячьим хвостом торчит отрядное знамя. Поганого оно цвета, красное, бандитское.

Невеселая гнедая лошадка тащила телегу. Дюжий парень, по облику скорее крестьянин, нежели солдат, заботился о бедной скотине, как мог. Выпряг, пустил пастись на монастырский луг.

Когда парень отошел от телеги подальше, чтобы помочиться, лошадка встрепенулась и пошла за ним, точно собачонка. Подобралась сзади, ткнула мордой в спину. Парень чуть не упал носом в землю. Замахнулся было на клячу, но передумал.

Растрепанная светловолосая девка крутилась у костра, думала наварить обед на всю ораву. Едоков же было (монах на стене прищурился, посчитал) всего одиннадцать душ, считая и девку. Бархатный лиф на женщине, темно-красного цвета, шитый розами, – сразу видно, что краденый. Юбка холщовая, и из-под юбки мелькают открытые от щиколоток худые ноги в кожаных башмаках. Вот один из солдат слишком близко прошел от девкиного мешка, сваленного на сухое место у тележного колеса, – ох, как глянула, как гаркнула!

Четверо солдат уже вцепились в колоду карт, едва только успели пристроить задницы на траву. В той компании верховодил маленького роста востроносый солдатик. До того похож на жулика, что, вернее всего, и вправду жулик.

Но вот рослый, с рыжими волосами, поднял голову, встретился взглядом с монахом, стоящим на стене. Встал, отряхнул штаны, руку положил на короткий меч, который ландскнехты прозывают «кошкодером», вздернул подбородок.

Монах опередил его, заговорил первым.

– Безбожники, грабители, сыновья дьявола, шлюхины отродья! – загремел он со стены, зорко следя, чтобы никто из ландскнехтов не схватился за аркебузу. – Да как вы посмели потревожить покой святой обители?

– Крапивное семя, обжоры, лицемеры, ханжи! – выпалил одним духом Агильберт. – Не нравимся мы вам?

– Нет! – рявкнул монах.

– Ну так прогоните нас отсюда!

И горделиво повел плечами, покрасовался.

Монах плюнул.

– Откуда идете?

– Из ада!

– Что вы там делали?

– Сковородки чистили для ваших задниц!

Монах фыркнул.

– От нас чего хотите?

– Еды, немного лекарств и крышу для ночлега.

Монах исчез – видно, ушел с кем-то переговорить. Прошло никак не меньше часа, прежде чем ворота со скрежетом раскрылись.

– Входите, входите, Господь с вами, дети, – проговорил отец ключарь. Судя по мрачному выражению его лица, он охотнее послал бы ландскнехтов в преисподнюю.

Эркенбальда ступила на монастырскую территорию с таким победоносным видом, точно вошла в завоеванный город. Монах за ее спиной плюнул и наглухо закрыл ворота.

* * *

Монастырь и вправду оказался очень старым, не меньше трехсот лет истории насчитывали монастырские летописцы. Впрочем, последний грамотный монах скончался прошлой осенью, так что некому стало читать многочисленные книги в деревянных окладах, переплетенные в кожу и холст.

Пользуясь предоставленной ему свободой, Иеронимус зашел в монастырскую церковь до того, как там началась служба, сел на скамью в первом ряду.

Внутри церковь казалась меньше, чем выглядела снаружи. Толстые каменные стены стискивали узкий неф, словно снаружи давила на них злобная сила. Вечернее солнце вливалось в окна-бойницы, полосы света мечами скрещивались прямо над алтарем.

Фигуры на резном деревянном алтаре, казалось, вот-вот оживут в полутьме, чтобы в сотый, тысячный раз разыграть одну и ту же историю, запечатленную резцом мастера: слева – «Моление о чаше», в центре – «Распятие», справа – «Воскресение».

Грубоватая и вместе с тем чрезвычайно выразительная работа завораживала. Можно было без конца разглядывать крестьянские лица опечаленных апостолов, перекошенные от ужаса физиономии римских легионеров, увидевших треснувшие скалы.

Зазвучали шаги. Иеронимус обернулся.

Ключарь отец Гервазий тяжелой поступью приблизился к нему, плюхнулся на скамью, шумно перевел дыхание.

– Буйная же досталась вам паства, отец Иеронимус.

– Не жалуюсь, – коротко отозвался Иеронимус.

– Да уж... – вздохнул отец Гервазий. – Нрав у вас сильный, сразу видать. Знаете, как они вас называют, когда вы не слышите?

– «Мракобес», – сказал Иеронимус и улыбнулся. – Они не так уж далеки от истины, отец Гервазий. У одного из них ноги стерты в кровь и, боюсь, обморожены.

– У песенника-то? – Отец Гервазий поморщился. – Святые угодники, как вы его терпите...

– Эй, эй, – сказал Иеронимус. – Парень нуждается в лечении, отец Гервазий.

– Он пьян, – мрачно сообщил отец Гервазий.

– Тем лучше, не будет брыкаться, если лекарство окажется жгучим.

– Вы уже откушали? – Отец Гервазий поспешно перевел разговор на другую тему.

– Благодарю вас, – сказал Иеронимус.

– Соскучились по уединению? – проницательно заметил отец Гервазий. – И то, тяжело каждый день ничего вокруг не видеть, кроме солдатских рож и обозных шлюх...

– Кстати, – вспомнил Иеронимус, – еще одна просьба, отец Гервазий. Пусть эта женщина, Эркенбальда, проведет ночь в обители.

– Устав воспрещает, – омрачился отец Гервазий.

– Лучше нарушить устав, чем иметь на совести труп, – сказал Иеронимус. – Рейнская область кишит бандами, вроде нашей.

– Знаете что, отец Иеронимус, вам палец в рот не клади.

– А вы и не кладите, – посоветовал Иеронимус.

И заговорил о другом.

– Великолепный алтарь.

– Вам нравится? – поразился ключарь.

Иеронимус кивнул.

– Делал местный мастер, не так ли?

– Дьерек – так его звали.

– Он оставил свое имя?

Отец Гервазий заговорил доверительным тоном:

– История, которую так просто не забудешь... В обители долго спорили, оставлять ли в церкви алтарь, оскверненный памятью грешника. Потому что этот Дьерек совершил смертный грех. Наиболее суровые предлагали сжечь алтарь, а на его месте водрузить новый, не отягченный воспоминанием о человеческой слабости.

– Сжечь? – Иеронимус подскочил. – Чьи бы руки его ни касались, он существует во славу Божию.

Ключарь поднялся.

– Я скажу отцу Пандольфу, что вы спрашивали об алтаре. Видите ли... Десять лет назад вновь возродился спор о судьбе дьерекова наследия, и прежний наш настоятель хотел уничтожить алтарь. Очень благочестив и строг был наш прежний настоятель. Отец Пандольф – вы его видели на стене, это он вел переговоры с вашим капитаном... Так вот, отец Пандольф, неистовый в своем благочестии, приковал тогда себя цепью к кресту на распятии этого алтаря, так что сжечь резное дерево можно было только вместе с отцом Пандольфом. Наш прежний отец настоятель, думаю, так бы и поступил, если бы его не хватил удар, так что он скончался на месте. Мы решили, что сие было знамение Божье, и избрали отца Пандольфа новым настоятелем. Охо-хо...

И простодушный ключарь удалился.

Иеронимус сидел один в церкви до темноты, пока не вошел тощий встрепанный монах и не зажег свечи. Протопал в полумраке по деревянным ступенькам на хоры и оттуда крикнул, перегибаясь через перила:

– Отец Пандольф!

Из мрака, с холодного пола донеслось:

– Я здесь.

– Пришлый монах ждет вас, – прокричал монашек. – Вон, сидит перед самым алтарем.

– А... ну, иду, иду, – прогудел отец Пандольф и грузно затопал по проходу между скамьями.

Иеронимус улыбнулся. Отец Пандольф, щурясь на огонь свечей, хозяйским взглядом осмотрел «свой» алтарь – как будто опасался, что чужак украдет какую-нибудь из резных фигур, – сел за спиной у Иеронимуса и проговорил ему прямо в ухо:

– Отец Гервазий передал мне ваши слова. Рад, что вы думаете, как я.

– Кто такой Дьерек? – спросил Иеронимус, полуобернувшись к своему собеседнику. – Чем он грешен?

Отец Пандольф нахмурил густые брови.

– Все, что вы сейчас услышите, не должно пойти дальше вас, отец Иеронимус, потому что об этом мы не сообщали в вышестоящие инстанции.

Иеронимус сказал:

– Хорошо.

– Поклянитесь! – жарко потребовал отец Пандольф.

– Что?

Иеронимус посмотрел ему в глаза. Мясистое лицо отца настоятеля побагровело, и даже темнота не могла скрыть этого. Сдвинув брови еще мрачнее, отец Пандольф повторил:

– Дайте клятву, отец Иеронимус.

– Никому не расскажу.

– КЛЯТВУ, мать вашу, – яростно прошипел отец настоятель.

– Клянусь Кровью Христовой, – выпалил Иеронимус. – Мы с вами оба попадем в ад, отец Пандольф.

– Ну и пусть, – заявил отец настоятель. – Пусть мы оба сгорим в аду, но это произведение искусства останется жить. И когда-нибудь Бог заглянет в эту маленькую церковь и увидит резной алтарь Дьерека. И спросит Господь какого-нибудь ангела пошустрее: «Расскажи мне об этом». И ангел скажет: «Благодаря Пандольфу из Тюрингии сохранился этот алтарь во славу Твою, Господи». – «А где этот Пандольф из Тюрингии?» – спросит Господь, потому что захочет Он меня увидеть. «В аду, где ему быть», – скажет ангел. И перечислит все мои грехи. «Заберите его из ада, ибо то, что он сохранил для Меня, превышает всех его грехов» – так скажет Господь.

Дьерек был рабом одного рыцаря. И имя этого рыцаря, и замок, где он жил, и фамильный склеп его семейства – все стало прахом и предано забвению. Искусен был Дьерек в резьбе по дереву. Украшал ткацкие станки женщинам, колыбели младенцам и так прославился среди дворни, что вызвал его к себе хозяин.

– Люди говорили, будто ты славно режешь по дереву, – сказал рыцарь.

Дьерек сказал, что это правда.

– Хочу сделать церкви богатый подарок, – объявил рыцарь. – Берешься вырезать прекрасный алтарь, такой, чтобы в центре «Распятие», а по крыльям – «Моление о чаше» и «Воскресение»?

Дьерек только кивнул.

И с той поры работал для церкви. Четыре года просидел, согнувшись, – резал.

Когда настало время, к светлому празднику Пасхи рыцарь преподнес подарок нашей церкви, и алтарь был установлен здесь, где вы его видите. И имя этого рыцаря прославлялось, как он завещал, еще сто лет после его смерти, прежде чем окончательно позабыли его монахи.

А он недаром задумывался о смерти, этот рыцарь, потому что был уже довольно стар и мог умереть в любое время.

Одно доброе дело перед смертью он сделал, одарил церковь. Решил сделать и второе – подарить свободу мастеру. Написал о том грамоту, так мол и так, за благочестие и верную службу пусть будет отныне свободен раб мой Дьерек, запечатал ее, надписал адрес – послание настоятелю – и призвал к себе Дьерека.

– Здоровье мое таково, – так начал рыцарь, – что скоро отходить мне в мир иной. Думаю о твоей судьбе, кому ты достанешься после моей смерти, искусный мастер.

Дьерек голову наклонил, слушает.

– Вернее всего, моему брату достанешься, – сказал рыцарь, решив испытать Дьерека. – Брат мой человек еще нестарый, но грешный и пристрастный к вину. Как напьется, будет по пальцам бить и голых баб заставит рисовать.

И заметил, как вздрогнул Дьерек, человек благочестивый. Про себя усмехнулся, заговорил о сестре:

– Сестра моя – дама почтенная, годы проводит за ткацким станком, ей картоны нужны для образца. Она бы мне сказала спасибо за такой подарок. Только у нее ты тоже не заживешься, нрав у нее крутой, чуть что – на хлеб и воду. Скучно, наверное, цветы и собачек рисовать для взбалмошной бабы?..

– Скучно, – сказал Дьерек.

– Вернее всего моему сыну тебя отдать... – заговорил рыцарь, понизив голос.

Не станет рыцарский сын сажать мастера на хлеб и воду. Не заставит малевать непотребство.

– Талант в тебе большой, – сказал старый рыцарь, – и не всякий это оценит. Кому нужны вещи, которые можно будет хорошо продать лет через сто, через двести? Нужно то, что уже сегодня легко обменять на зерно, одежду, посуду, не дожидаясь, покуда для всего этого настанет время. У моего сына ты образумишься, не станешь больше изображать апостолов так, будто это крестьяне из соседней деревни... Не быть тебе самим собой, не резать из дерева то, к чему лежит душа. Будешь приносить ему золото, золото, золото!

– Не буду, – сказал Дьерек.

– Как тебе понравится такая сделка: самому заработать свой выкуп? – спросил хозяин. – Постарайся, чтобы твои работы покупали. Лет десять поработаешь, там, глядишь, наберется нужная сумма. Нет, будешь ты приносить золото, – уверенно сказал рыцарь. – Я хорошо, я правильно придумал. Будешь ты видеть, как умирает в тебе душа, и ничего не сможешь против этого сделать.

Дьерек побелел, как полотно.

– Да ладно тебе, – сказал рыцарь и рассмеялся, ибо видел, что испытание Дьерек выдержал. – На, возьми вот эту грамоту, отдашь отцу настоятелю. Пусть прочтет тебе.

Дьерек грамоту отцу настоятелю отнес, слушать не стал, ушел в лес и там повесился на большой сосне.

– Под сосной его и закопали, – мрачно заключил отец Пандольф. – Теперь и места того не найти.

Иеронимус молчал, поглядывая на алтарь. В прыгающем свете свечей деревянные фигуры казались живыми.

– Хотел бы я с ним встретиться, с этим Дьерekom, – выговорил, наконец, Иеронимус.

– А вон он, – отец Пандольф махнул рукой в сторону алтаря. – Римский воин у гроба Христова. Второй слева, без шлема.

Лотар Страсбургский

Третий день шел дождь. Почти не прекращаясь, с малыми перерывами. Дорогу развезло, как последнего пьяницу. Эркиенбальда надрывно кашляла, сидя в телеге.

– Впереди просвет! – крикнул Гевард, обернувшись к остальным, – он шел первым.

Ремедий Гааз налег на телегу плечом и прошептал, обращаясь к лошадке:

– Ну, милая...

Лошадка словно услышала – дернулась. Хрясь! Телега с громким треском завалилась назад. Сломалась ось. Тяжело стукнуло о переборку – Эркиенбальда задницей, не иначе. Женщина завозилась, пересыпая оханье яростной бранью, полезла наружу. Ремедий и не думал ей помогать. Выпряг лошадку, догнал Агильберта.

– Телега того, – сообщил он.

Полчаса потратили на то, чтобы разобрать вещи и рассовать их по походным мешкам. После двинулись дальше, бросив посреди леса телегу с остатками барахла, по правде сказать, совсем негодного, – на радость каким-нибудь бродягам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.